

ной тональности фетовской духовности, интуитивной и внерассудочной, глубоко сокрытой от внешнего взгляда – того “неприступного светлого храма” души, в который проникновение внешнего взора невозможно. Разъединенность звука и смысла воплощается в рядах образов: романс, песня, слово, смысл – звук, дыхание, вздох, голос, душа. Эти противопоставления, таящиеся в ткани метафор, порой явно выраженные (“Где слышишь не песню, а душу певца...”) в стихах Фета нередки. Не смысл песни, но звук мучает душу – “поющие муки”, рифмующиеся со звуком, почти непереносимы для земного сердца: “Сердцу грудь казалась тесна”; но из муки и тесноты рождается в “затихнувшей” душе озаренность, глубинная одухотворенность: “В озаренной глубине душевной Лишь улыбка уст твоих видна”.

Поэтическому творчеству предшествует особое состояние души, особенно тонкое переживание звука. Как у Пушкина “лирическое волнение”, звучание и трепет души предшествуют слову, так в мире Фета явлению Музы, творческим воплощениям, рождению песни предшествует погруженность души в стихию звука. Далее Муза поет стихи, словесно оформленные, диктует готовые строки. Муза посылает своим явлением энергию для словесного воплощения той первоначальной лирической зыби, которая у Фета столь часто обозначена как некая трепещущая дословесная стихия звука. И в стихах, которые поэт, “коленопреклоненный”, при явлении Музы “запоминает”, воплощен тот звук, который слышал поэт и который несет в себе звучание жизни: мира внешнего (*запах трав*) и внутреннего (*бред души*):

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах...

Способность улавливать звуки бытия есть, по Фету, отличительный признак певца “избранного”. Его погруженность в земное прерывается вторжением в жизнь звукового призыва иной жизни, он способен мгновенно воспринять “ветр с цветущих берегов” и далее легко оттолкнуться от земного и устремиться в “жизнь иную”: “Тоскливый сон прервать единым звуком, Упитья вдруг неведомым, родным...”.

Так двоимирие в стихах Фета, характерный для его мысли платонизм, звучат как противоположение не двух абсолютно отдельных миров, но сопряженных прежде всего в звуковой субстанции, мир низший пронизан для звуков горних. Мир высший, объект стремлений души, легко, без усилий достигается как мир родной и близкий – по первому звуку свыше: “Без усилий С плеском крылий Залетать – В мир стремлений, Преклоненный И молитв...”.

Еще одна грань фетовского звука выражается в ряде: звучание – сновидение – плавание – волны. Творческий мир поэта – это мир звучащих